

М. В. Кацаева

Иудейская община Бийска в первой половине XX в.

M. V. Kashchaeva

The Biysk`s Jewish Community in the First Half of the XX Century

Характеризуются отношения между советским государством и иудейскими общинами на примере общины Бийска. Автор анализирует процессы регистрации бийской иудейской общины в контексте советского законодательства. Обобщаются и рассматриваются основания, способствовавшие сохранению культурных и религиозных традиций. В середине XX в. религиозная политика советского правительства в отношении некоторых конфессий приобрела либеральный тон. Однако иудейские общины по-прежнему испытывали трудности при регистрации, поэтому можно говорить о дифференцированном подходе государства к проблемам религиозных организаций. Такая специфика была характерна для Советского государства в 20–30-х гг. XX в. Несмотря на все преграды, имевшиеся в советском законодательстве, бийской иудейской общине удалось достичь оснований, необходимых для регистрации.

Ключевые слова: еврейские общины Западной Сибири, синагога, еврейская община Бийска, религиозная традиция.

Отношение к религии в Советском Союзе в середине XX в. можно было бы характеризовать как «религиозный ренессанс», поскольку в политике явно наблюдались некоторые послабления в отношении религиозной жизни. Отказ от агрессивной религиозной пропаганды, издание научной литературы относительно происхождения религиозных верований, укрепление кадрового состава и материального положения (Русской православной церкви) — вот далеко не полный перечень тех реальных фактов, которые были очевидны и обсуждаются сегодня в современной науке [1, с. 245]. В свою очередь конфессионально ориентированные граждане расценивали подобные меры как политику, направленную на реализацию их действительных прав и свобод, в том числе права свободно исповедовать религию предков. Изучая положение религиозных общин в середине XX в., стоит отметить еще один фактор. После окончания Великой Отечественной войны обнаружились новые социальные реалии. В ходе многочисленных эвакуаций на территорию Западной Сибири оказалось перемещено большое количество населения, ранее проживавшего в центральных, западных и юго-западных регио-

In this article the author characterizes relations between the Soviet state and Jewish communities of the Western Siberia on the example of the Biysk Jewish community. The author analyzes the processes of registration the Biysk Jewish community within the framework of the soviet law. The grounds for safekeeping cultural and religious Jewish traditions are described in the article. In the middle of the XX century the religion policy of the Soviet government concerning some confessions has become liberal. However, Jewish communities still suffered from some difficulties in registration procedures. One can mark some different attitude of state structures of all kinds to problems of religious communities. According to the author, that was common thing in the Soviet Union in 20–30s of the XX century. In spite of numerous prohibitions declared by the Soviet laws, the Biysk Jewish community succeeded to maintain the necessary climate for registration.

Key words: Jewish communities of the Western Siberia, sinagoga, Biysk Jewish community, religious tradition.

нах. Данный факт способствовал усложнению конфессионального состава населения на территории Западной Сибири в целом и в Алтайском крае в частности. В данной статье мы намерены охарактеризовать религиозную жизнь Бийской иудейской общины, которая наглядно демонстрирует нам фактическое отношение государственных структур к свободе вероисповедания на примере отношения к иудаизму.

С 1938 по 1942 г. на территорию Алтайского края было перемещено несколько тысяч евреев из Польши, Украины, Ростовской области и других центральных регионов. Среди этнических евреев было немало тех, кто причислял себя к иудаизму и стремился сохранить свою религиозную традицию. Справедливости ради нужно сказать, что иудаизм присутствовал в религиозной жизни Алтайского края с конца XIX в., несмотря на многочисленные запреты. Так, в распоряжении, поступившем на имя начальника Алтайского горного округа 9 октября 1886 г. из Кабинета Его Императорского Величества, следует: «Сохранить за лицами еврейского вероисповедания те права по горному округу, которыми они пользуются в настоящее время... но впредь не допускать перехода

к ним по каким бы, то ни было актам горных заводов, или приисков...» [2, л. 5].

С течением времени вопросы имущественного характера, а также возможности для иудеев иметь собственный бизнес на Алтае были решены в пользу последних, чего нельзя сказать о свободе вероисповедания. Построенная в начале XX в. в Барнауле синагога просуществовала до 1937 г., а затем была переоборудована под жилой дом [3, л. 15].

В Центре хранения архивного фонда Алтайского края нам не удалось обнаружить документов, характеризующих жизнь иудейской общины в Бийске в начале XX в., но достаточно красноречивы материалы середины прошлого века. В январе 1945 г. в Комитет по религиозным делам СССР поступило ходатайство от Мозеса Кенигсверга, в котором говорилось о том, что в Бийске проживает около 200 религиозных иудеев, эвакуированных из Польши и Литвы. Автор ходатайства упоминал небезынтересные факты: эвакуированные евреи составляют неофициальное сообщество, которое собирается для молитвенного общения, соблюдения иудейских предписаний в отношении праздников и совершения похоронного обряда. Автор письма знаком с Постановлением «О религиозных объединениях» от 08.04.1929 и на основании данного документа просит помощи в организации культовой жизни и сооружении мацпекарни, обращая внимание на то, что большая часть указанных иудеев русским языком владеет плохо [3, л. 31]. В ответ на это ходатайство уполномоченный по делам религиозных культов при СНК СССР по Алтайскому краю Селиванов затребовал списки общины, а также протоколы об избрании исполнительного органа общины и ревизионной комиссии, что соответствовало Постановлению от 8.04.1929. Параллельно тов. Селиванов дает задание председателю Бийского горисполкома тов. Каменскому проверить: нет ли в списках лиц моложе 18 лет и все ли члены общины законопослушные граждане, нет ли среди них тех, кто лишен избирательных прав по суду, а также выясняет возможность выделения помещения под здание синагоги в доме 193 по ул. Л. Толстого.

К июлю 1945 г. все требуемые документы были представлены уполномоченному Селиванову, однако, как становится ясно из материалов последующей переписки, дело дальше не пошло. Селиванов повторно затребовал протоколы об избрании раввина и списки общины [3, л. 30]. Нежелание местных органов власти регистрировать вновь объявленные религиозные сообщества было очевидным.

Вопросы, поднимаемые в переписке, имеют большое значение в деле организации культовой жизни. Одной из глобальных была проблема избрания раввина. Претендент, выдвигающий себя на звание раввина в начале XX в., должен был обладать соответствующим образованием, т. е. окончить иудейскую ешиву.

В Сибири таких учебных заведений не существовало по понятным причинам. В пределах Российской империи раввины обучались в ешивах, расположенных в Житомирской, Гродненской губерниях. Затем по приглашению общин, согласных осуществлять в дальнейшем содержание раввина, кандидаты приезжали в место служения. Однако внутриобщинная отлаженность финансовых и организационных вопросов, а также наличие самого желания кандидата переехать из Гродно в Иркутск или Якутск наталкивалась на Устав о паспортах, по которому евреям запрещался въезд в Сибирь [4, с. 46]. Ввиду этого специально обученные раввины зачастую не могли осуществлять своего служения. Культовая практика иудаизма требует еженедельного участия раввина во время молитвы в субботу, а также совершения им различных обрядов: обрезания, свадебного обряда, бар и бат мицвы, поминовения и, конечно, празднование религиозных праздников. В отсутствие раввина его функции непродолжительное время мог бы исполнять старейшина общины или человек, имеющий в общине бесспорный авторитет. Однако, как отмечают исследователи, такая практика вела к дальнейшей ассимиляции общин и размыванию религиозных устоев, превращения их в культурную традицию [4, с. 47].

В документах, хранящихся в архиве Алтайского края, о раввине Барнаула имеется следующая информация. Во время перерегистрации общины в 1918 г. председателем значился З. Магарик [5, л. 4]. В документах Алтайской учетно-ревизионной комиссии от 26.01.1920 З. С. Магарик отмечен как торговец [6, л. 130]. В апреле 1921 г. З. С. Магарик упоминается в документах губернского лагеря принудительных работ, приговорен Алтайским губЧК как контрреволюционер к 5 годам, профессия заключенного — химик [7, с. 242]. Кандидаты, избранные на должность председателя общины, выполнявшие функции раввина, как правило, не могли исполнять всех предписаний, налагаемых религией. Как возможно, например, не работать в пятницу, поскольку именно канун пятницы связан с началом главного религиозного праздника — субботы, или, например, как до конца исполнить предписания относительно празднования праздника Пейсах, который длится две недели. Председатели общин стремились исполнить необходимые условия для соблюдения традиции, однако полностью заменить раввина не могли.

Достаточно сложно решался вопрос и в отношении других предписаний. Необходимым элементом празднования Пейсах является преломление и дальнейшее употребление в трапезе специального хлеба — мацы. Так, каждой весной партийные органы практически заново обсуждали и решали «проблемы» выпечки мацы, хотя в 1946 г. Министерство торговли СССР внесло мацу в свой преysкурант как вид хлебобулочной продукции, государственные пекар-

ни должны были выпекать ее в количестве, отвечающем спросу на этот продукт, и реализовывать через государственные хлебобулочные магазины [8, с. 2]. Как мы отмечали выше, бийские иудеи просили помощь в организации мацепекарни, но, согласно общесоюзной логике обращений с подобными просьбами, местные партийные органы принимали решение о запрете выпечки мацы, аппарат уполномоченного по делам религии при СНК СССР только фиксировал подобные ситуации.

Дальнейшее решение вопроса с регистрацией бийской общины и выделением ей помещения напоминало известное советское правило «приходите когда-нибудь, потом». Несмотря на полученное ходатайство от уполномоченного по делам религии при СНК СССР из Москвы товарища Тагиева о необходимости ускорить рассмотрение дела, алтайский представитель данной структуры с решением дела не торопился. В начале декабря 1945 г. Селиванов направил Тагиеву сообщение о том, что регистрация синагоги не может быть делом поспешным. Аргументы в пользу затягивания решения вопроса приводились следующие: неосведомленность органов местной власти о точном количестве религиозных иудеев, усиливающаяся реконтракция еврейства, а также нерешенность вопроса относительно избрания раввина [3, л. 39].

Селиванов в своем уведомлении от 01.12.1945 отмечает, что в Бийске, по его подсчетам, должно остаться несколько семей «русских евреев», поэтому регистрация общины и выделение здания может оказаться процедурой поспешной. Такое отношение государственных структур к решению насущной необходимости иметь помещение для отправления религиозных нужд не могло не возмущать иудеев Бийска. В этой связи 1 декабря 1945 г. они пишут повторное ходатайство на имя Селиванова о том, что численность общины достигает 200 чел., также о том, что богослужение проводится иудеями попеременно. Наличие раввина для столь малочисленной группы не обязательно. Автор данного ходатайства М. Воякостовский отмечает, что в Польше, откуда прибыла основная группа иудеев, раввин выделялся для 20–30 молитвенных домов, в Бийске же действительно нет такого количества иудеев, поэтому община и сама в состоянии проводить молитвенное служение. М. Воякостовский замечает, что члены общины против составления повторных списков, ввиду чего просят рассмотреть возможность регистрации общины на основании уже поданных документов.

Следующая жалоба на действия уполномоченного по делам религии в Алтайском крае была направлена в Москву 26 февраля 1946 г. В данной жалобе сообщается, что Алтайский крайисполком отказывается регистрировать иудейскую общину в Бийске на основании отсутствия в ней раввина. Автор жалобы Нисан Бенсонович Штейн жалуется на «напле-

вательское отношение» к просьбам бийских иудеев, а также пытается узнать непосредственно в Москве, какие документы действительно нужны для регистрации общины [3, л. 26].

Постановление «О религиозных объединениях» от 08.04.1929 (ст. 13) разрешает представлять интересы общины ее исполнительным органам, выбранным общим собранием общины в ходе открытого голосования. Очевидно, именно эту практику имел в виду уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СНК СССР Тагиев, который 9 марта 1946 г. уведомлял уполномоченного по Алтайскому краю Селиванова о том, что в еврейские общины в СССР не имеют своего центрального органа, не могут представлять в официальные органы документы, подтверждающие их духовное звание [3, л. 25]. В этом случае, как отмечает Тагиев, подтверждать звание раввина может протокол общего собрания общины.

Как видно из последнего документа, бийскую иудейскую общину зарегистрировали. Однако здание выделено не было. Ввиду необходимости собраний община в лице руководителя Штейна Нисана Бенсоновича и Гороховой Зельды Мовшовны подписали договор аренды, согласно которому Горохова передавала общине часть помещений по ул. Л. Толстого, 193 сроком на три года с оплатой аренды по 20 руб. в месяц [3, л. 41]. Такое разрешение дела наилучшим образом соответствовало интересам общины. Н. Б. Штейн, возглавляя религиозную общину, должен был проживать рядом с местом служения, так как исполнение религиозных предписаний в отношении субботы запрещает раввину всякую работу, в том числе и проезд в общественном транспорте.

Как далее складывались отношения государства и религиозных иудеев Бийска, пока неизвестно. Действительно ли требовалось лишь время для того, чтобы религиозное население ввиду неприятия их обычаев возвратилось в места их традиционного проживания, или данный вопрос решался в течение продолжительного времени. Сегодня в Бийске существует немногочисленная еврейская община в составе примерно 50 чел., соблюдающих иудейскую религиозную традицию.

По итогам изучения архивных фондов и законодательства данного периода можно сказать следующее. Фактической стратегией государственных органов было сдерживание развития религиозных объединений, создание препятствий для их функционирования и постепенная ликвидация культов. Основной задачей уполномоченных крайисполкомов и горисполкомов было информирование партийных структур о состоянии конфессиональной ситуации в регионах. Верующим, относящим себя к иудаизму, было особенно непросто. Сказывались прежние опасения в отношении действий государственных структур, моноэтничность конфессии, направленность на охрану своей идентичности.

Библиографический список

1. Волокитина Т.В. Русская церковь и православные автокефалии на Балканах // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. — М., 2002.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 163. — Оп. 1. — Д. 207.
3. ГААК. — Ф. 848. — Оп. 1. — Д. 748.
4. Кальмина Л.В. Институт раввина в Восточной Сибири // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока : сб. материалов / под ред. Я. М. Кофмана. — Красноярск, 2002.
5. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 2. — Д. 38.
6. ГААК. — Ф. 9 (р). — Оп. 1. — Д. 51.
7. Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А. Золотые годы Алтайской кооперации 1896–1919. — Барнаул, 2003. — Т. 1.
8. Мицель М. Общины иудейского вероисповедания в Украине 1945–1981 гг. [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.judaica.kiev.html](http://www.judaica.kiev.html)